

Владимир Максимов выступает в Калифорнии.
Фото М.Лемхина.

— Париж —
Вуэская мысль — 1995 — 6-12 апр. — с 17
Памяти Владимира Максимова — к девятому дню кончины

Во всех его книгах слышится «SOS»

Пожалуй, школьник 21-го века, если доведется ему учить русскую литературу второй половины века 20-го, и не постигнет, какие силы нас раздирали и разбрасывали, — как мало кто понимает нынче, с чего это Достоевский годами руки не подавал Тургеневу. Может быть, представит нас тот школьник сплоченным отрядом единомышленников, успешно справлявшихся с возникавшими трудностями. Не стану возражать, если за такой ответ на экзамене полагалось бы 4 с плюсом. Но может быть, хватит его ума догадаться, что в ненормальное время мы, дети ненормальной страны, в общем-то жили, как и положено это нормальным литераторам, которые между собою соперничают, друг другу завидуют, ревнуют, время от времени ссорятся, выясняют отношения и даже враждуют, а все-таки друг о друге тревожатся, спрашивают о здоровье и благополучии в семье и когда кто-то из них умирает, то и себя чувствуют на какую-то часть умершими.

26 марта в 9 часов утра в своей парижской квартире от тяжелой неизлечимой болезни умер русский писатель Владимир Максимов. Он принадлежал к поколению шестидесятников, к эпохе оттепели, эпохе поиска, вольности, пробуждения. На это поколение партия и правительство делали ставку — именно они будут продолжать славные революционные традиции. На него, Максимова, потомки рабочей-крестьянской семьи, рабочую кость, русского по национальности, — ставка делалась особо. Но Максимов надежд, на него возложенных, не оправдал. Дух шестидесятничества — летящий вперед, мечтающий, страдающий дух этого поколения — и не мог совпасть с планами партии и правительства. И все же первые книги Максимова вышли в России — «Жив человек», «Мы обживаем землю» в легендарных «Тарусских страницах»,

«Стань за черту» и «Шаги к горизонту». Наиболее зрелый роман «Семь дней творения» вышел уже на Западе. Смерть — не повод для литературоведения и критики, и все же скажу: для меня во всех максимовских прозаических вещах, и сильных, и проходных, слышится сигнал «SOS» — «Спасите наши души». Это и делает их уникальными и не позволяет забыть.

Оттепель сменил застой — устойчивый, стабильный, глубокий и мощный. Выжидать, принаравливаясь, жить тайной, но не явной свободой — было не по темпераменту. В результате — сорвался, не выдержал. Он, который лучше других чувствовал русскую почву, ту землю, что мы обживаем, принял тернии отшельника, изгнанника: 21 год, последнюю треть жизни, как и предсказывал сам себе, прожил вне отечества.

Это был взрыв его литературной известности — создание журнала «Континент», главного журнала третьей эмиграции, позволившего многим из нас быть услышанными в России, создание «Интернационала сопротивления». Он делал все то, что сделал бы и другой, оказавшись на его месте — если такое возможно, — плюс еще немного. Вот это «еще немного» и делает его уход для каждого из нас, эмигрантов третьей волны, столь личным, а портрет его — без этого «немного» — как бы незавер-

Он открывал слово

Трудно находить нужные, единственно верные слова, когда прощаешься в жизни с людьми, с которыми близко, почти тесно связана судьба. Когда, живя в далеком Камешковом Владимирской области, мы услышали, настроивая наш «Меридиан», сквозь шум и треск о лишении писателя Владимира Максимова советского гражданства и, значит, возможности вернуться на родину, — не думалось, что придется познакомиться с ним в 1987 году в Париже. Максимов был одним из тех людей, кто первыми протянули нам руку помощи и поддержки.

Как многих, советская система отторгла, вытеснила из себя этого талантливого писателя. Система боялась разрушительной силы яркого правдивого слова на своей территории.

Мы с волнением следили за выступлениями Владимира Максимова, призывающими, убеждающими Запад увидеть и услышать суть и ложь советской партийно-правительственной демагогии.

Журнал «Континент» стал оправданием веры этому человеку. Не просто литературный журнал вел Владимир Максимов. «Континент» был духовной поддержкой тем, кто задыхался в малой и большой зоне Советского Союза. «Континент» собирал, концентрировал на своих страницах совесть, боль, свет страны — огромной и разной.

Владимир Максимов делал большое, нужное дело — он открывал слово, рвущееся через все запреты и из СССР. Он знал цену этого дела и был горд этим. Гордость, достойная уважения, отличала его от очень многих. И искренняя, сильная человеческая боль за Россию, за людей, живущих в ней.

В Париже умер русский писатель. Пусть добрая память согреет его. Уверена, что память читателей будет ему достойным памятником.

НИНА КОМАРОВА-НЕКИПЕЛОВА

Париж

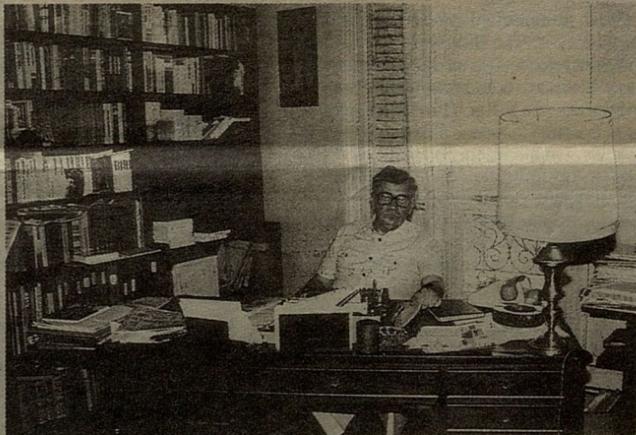
Не прощайте, а до свидания...

Не прощайте, а до свидания, дорогой друг Владимир Емельянович, и спасибо Вам за наши с Вами всегда интересные беседы, за спокойные прогулки в нашей с Вами любимой Италии, за Вашу ко мне дружбу и человеческую теплоту.

ЕЛЕНА КОРТИ

Мюнхен

Владимир Максимов в редакции «Континента». Фото И. Глиера.

шимой болезни умер русский писатель Владимир Максимов. Он принадлежал к поколению шестидесятников, к эпохе оттепели, эпохе поиска, вольности, пробуждения. На это поколение партия и правительство делали ставку — именно они будут продолжать славные революционные традиции. На него, Максимова, потомки рабочей-крестьянской семьи, рабочую кость, русского по национальности, — ставка делалась особо. Но Максимов надежд, на него возложенных, не оправдал. Дух шестидесятничества — летящий вперед, мечтающий, страдающий дух этого поколения — и не мог совпасть с планами партии и правительства. И все же первые книги Максимова вышли в России — «Жив человек», «Мы обживаем землю» в легендарных «Тарусских страницах»,

шимым. Для меня это «немного» было приглашение стать автором «Континента». Он был моим первым редактором, первым, кто поверил в меня и потребовал стать профессионалом — выступать регулярно, выдерживать сроки, не ждать заказа, а самой находить темы. Спасибо, Володя.

Умирал он мужественно, в полном осознании надвигающегося конца, пересиливая страдания, умер, как и подобает христианину умереть в кругу семьи, при жене и дочерях — Наталье и Ольге.

Мир праху твоему.

НАТАЛИЯ КУЗНЕЦОВА
Нидернхаузен

Имя Владимира Максимова неотделимо от «Континента»

Наверное, так не говорят в некрологе, но я знаю немало число людей, полагающих, что Максимов считает их врагами, и я знаю также множество людей, числящих Максимова своим врагом.

Количество их не пошло на убыль и после того, как Владимир Емельянович оставил редакторское кресло «Континента». А уж после расстрела российского парламента, когда Максимов, с присущим ему темпераментом, резко выступил против президента и, главное, против российско-советской интеллигенции, тут на него выплеснут был целый ушат обвинений.

К этому хору присоединились и некоторые старые друзья. Впрочем, и Максимов их не щадил и в выражениях себя не стеснял.

Я не собираюсь высказывать свои суждения о чужой дружбе-вражде, да теперь, я полагаю, и сам вопрос этот снят.

Тем более, что я наблюдал за этим со стороны — как человек другого возраста, другой судьбы, житель Ленинграда, а затем Сан-Франциско (не Москвы и не Парижа, я хочу сказать).

Владимир Емельянович Максимов был человеком неистовым, и даже с учетом возрастной и географической дистанции мне случалось получать от него весьма резкие письма и отвечать ему так же и спорить с ним через океан по телефону, но, я надеюсь, он никогда не сомневался в чувствах, которые я к нему питал.

Я был одним из сотен авторов «Континента», и не метафорически, а совершенно буквально я считал каждую свою публикацию в этом журнале моим посильным вкладом в нашу общую борьбу. То есть я относился к этому как к своему долгу. Я так считал и не стыжусь этих сантиментов. И продолжаю так считать. Но одновременно я и гордился каждой этой публикацией — не статьями или

рассказами как таковыми, не так, как гордится литератор любой своей добросовестно сделанной работой.

Десять лет назад, когда я впервые получил уведомление от Максимова, что моя статья поставлена в текущий номер «Континента», Виктор Платонович Некрасов — человек к патетике не склонный — сказал мне: «Вы понимаете, Миша, что это значит — напечататься в «Континенте»? Это так, как мы считали когда-то — напечататься в «Новом мире». Что может быть почетнее!»

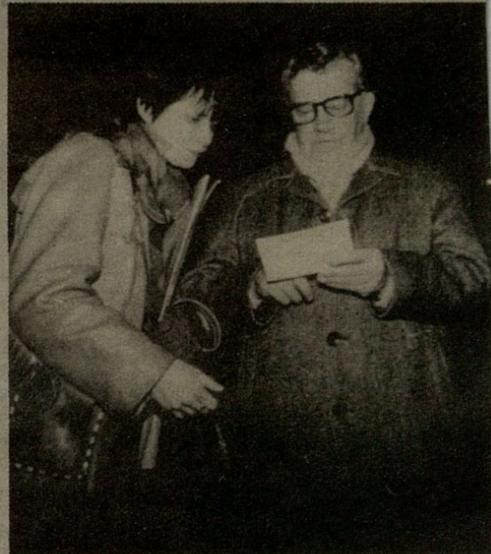
И, как имя Твардовского было неотделимо от названия его журнала так было неотделимо имя Владимира Емельяновича Максимова от названия журнала, который он создал. О журнале, который был не только инструментом, но и символом борьбы против мерзости и зла, против безликой машины и абсолютно реальных, тошнотно реальных лоснящихся палачей.

Для меня имя Максимова всегда стояло рядом с именами Тарковского, Солженицына, Буковского, Сахарова, Бродского — такова была моя карта мира. То, что мне довелось немого знать Владимира Емельяновича никак не мешало мне иметь и отстаивать свою собственную точку зрения. Я нередко испытывал чувство досады, слыша те или иные размашистые оценки. И проза Максимова, признаюсь честно, не была для меня хлебом. Но я никогда не забывал о том, что именно этот человек (наряду с еще двумя-тремя) помог и помогает мне осознать себя в тех координатах, которые поместила меня судьба.

Поэтому я говорю не о любви и даже не об уважении — это нечто, и правленое изнутри наружу, — я говорю о глине, из которой я слеплен, том, что всегда во мне и умрет только вместе со мной.

МИХАИЛ ЛЕМХИН

Сан-Франциско

На одной из парижских демонстраций: Владимир Максимов и Наташа Дюжева, наша коллега по «Русской мысли». Теперь их обоих нет с нами.

(Похороны Владимира Максимова на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. 30 марта 1995)

Дальние вздохи дождя ли, снега, стон тормозов, и жизни будущего века праздничный зов.

Жестко постелено, да за гробом сладко доспать, метеослужб оголтелым угрозам там не достать.

Ясная над Лесной Геновефой голубизна, подметено березовой веткой небо без дна.

АТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Париж

Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Вид от ворот на Успенскую церковь.

Максимов Владимир
6.4.95